

УДК 821.161.1.09"1917/1991"

ББК 83.3 (2=411.2) 6,445

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА И КОНЦА XX ВЕКА

Герман Дмитрий Сергеевич

Аспирант кафедры литературы и журналистики

Волгоградский государственный университет

germandos@mail.ru

Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье дан сопоставительный анализ образного строя лирических произведений начала XX в. (В. Маяковский) и его конца (А. Васильев). В итоге выявлены некоторые общие закономерности в способах репрезентации образа женщины, обозначен вектор его эволюции.

Ключевые слова: рок-поэзия, романтизм, ирония, лирический герой, любовный конфликт.

На современном этапе развития литературоведения особенно актуальным становится необходимость целостного осмысления фактов литературного процесса XX в. в сложном единстве составивших его художественных тенденций, а также изучения литературных явлений, отстоящих друг от друга в историческом времени в аспекте их генетического и типологического схождения с целью выявления характера преемственности их художественных парадигм, поскольку «связь истории литературы с живою современною литературой, – по словам Ю.Н. Тынянова, – связь выгодная и нужная для науки» [13, с. 190].

Русское рок-движение рубежа XX–XXI столетия представляет собой уникальное явление национальной культуры, ориентированное на весь ее массив «от фольклора до начала XX века», и оценивается исследователями как «новый этап в развитии русской словесности» [5, с. 29]. Первый системный опыт литературоведческого анализа этого феномена представлен в ежегодно выпускаемом на базе Тверского государственного университета сборнике научных трудов «Русская рок-поэзия: текст и контекст» (1998–2012) [11]. Авторы

вошедших в него статей отмечают, что в рамках литературоведческой науки представляется возможным изучение именно текстового компонента рок-песни «по аналогии с текстом фольклорным или драматическим» [9, с. 3]. В связи с этим, особую актуальность, на наш взгляд, приобретает поиск закономерностей в процессе происхождения и эволюции рок-поэзии с целью уточнения ее места как в общекультурном отечественном пространстве, так и в собственно литературном процессе XX века. Именно поэтому представляется интересным более подробно рассмотреть функционирование как романтической, так и собственно модернистской традиции в русских поэтических текстах начала и конца XX века. В нашем случае мы обратились к произведениям В.В. Маяковского и одного из самых ярких представителей рок-поэзии 1990-х гг. – А. Васильева, лидера рок-группы «Сплин». Созданные ими тексты репрезентируют особый тип авторской рефлексии, присущей, на наш взгляд, переломным эпохам, каковыми, вне всякого сомнения, могут считаться в России начало и конец XX века, когда в очередной раз «происходит смена жизненных укладов» [10, с. 85].

Основной чертой романтического мышления, как известно, является ключевая оппозиция «идеал – реальность», которая проявляется, прежде всего, в стремлении автора вырваться за пределы реального мира, суть которого ему непонятна и враждебна, или же, напротив, герой – единственный, кто ясно видит несовершенство, ужас и обреченность реальности. При этом подчас единственной очевидной силой, способной спасти человека, становится его возлюбленная. Ее образ, получая характерное эстетическое завершение в художественных парадигмах предлагаемых для сопоставления авторов, является той тематической константой, обращение к которой позволит не только выявить типологическую и генетическую общность этих парадигм, но и сделать выводы о способе функционирования традиции в художественных текстах, на десятилетия отстоящих друг от друга в литературном процессе.

При сопоставлении приемов создания образа женщины в художественных системах В. Маяковского и А. Васильева нами был выявлен ряд очевидных сходжений.

Так, в системе художественных образов раннего Маяковского женщина становится для лирического героя воплощением идеального начала, она «обожествляется, так как представляет в глазах поэта высшие субстанциональные силы бытия» [6, с. 37]. Функция этого образа – спасти лирического героя от враждебного и ненавидимого им мира, помочь ему снять маску «бесценных слов мота и транжира» [8, с. 56], проявить скрытую и/или скрываемую человечность, искренность, дать возможность ловить «на ссохшихся губах каналов – // дредноутов улыбки» [8, с. 53]:

Нежно говорил ей –
мы у реки
шли камышами:
«Слышите: шуршат камыши у Оки.
Будто наполнена Ока мышами.
А в небе, лучик сережкой вдев в ушко,
звезда, как вы, хорошая, – не звезда, а девушка...» [8, с. 91].

Лирический герой Маяковского, пораженный красотой возлюбленной, все более отчетливо фиксирует парадоксальность и алогичность мира, на что и направлен общий иронический пафос его высказываний. Сочетание

несочетаемого, нацеленность на интонационный, стилистический и собственно семантический оксюморон порождает «сопряжение несопрягаемых смыслов» [13, с. 353]. В результате сложный синтез идеализации и иронии стирает грань между мечтой и реальностью, травестируя сам романтический пафос.

Сакральность в синтезе с иронией замечаем и в образе героини Васильева:

Я был свидетель тому, что ты – ветер,
Ты дуешь в лицо мне, а я смеюсь [2, с. 25].

А также:

Вишневый плод запретных губ
Не перезреет, не сгниет,
Ты словно излучаешь свет,
Я напишу с тебя портрет
И дам рублей за восемьсот [2, с. 18].

И Васильев и Маяковский, используя при создании образа возлюбленной характерные для эстетики романтизма мотивы – божественной красоты, неординарности, исключительности ее природы, сопрягают их с иронией, тонко, еле уловимо передаваемой с помощью стилистических средств, нацеленных не столько на резкое снижение образа, сколько на его легкое «заземление». Так, передача красоты женщины через довольно устойчивую метафору губ-вишен, оживляются более приземленной параллелью: в отличие от плодов вишни они не подвержены порче; сходный эффект вызывает и применение разговорной формы «с тебя» на фоне светоносности образа возлюбленной.

Вместе с тем, образ женщины как у Маяковского, так и у Васильева зачастую несет в себе черты хаотического, стихийного начала, что нарушает порядок жизни героя, терзает его и нацеливает на бунт:

Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День еще –
выгонишь,
может быть, изругав [8, с. 107].

И далее:

дайте
любую
юную, –

души не растрочу,
изнасилую
и в сердце насмешку плюну ей! [8, с. 104]

Сходные мотивы находим и у А. Васильева:

Она сожгла дрова и принялась за книги,
Она не знала, кто топил ее в реке [2, с. 30]

А также:
Я люблю тебя, и я хочу, я хочу,
Я хочу тебя убить [2, с. 55].

Отметим, что в художественной картине мира и Маяковского, и Васильева образ женщины сопряжен с природными реалиями, контрастируя с подчеркнута «городским» топом лирического героя. Сравним:

у Маяковского:

Морей неведомых далеким пляжем
идет луна –
жена моя.
Моя любовница рыжеволосая [8, с. 46]
Девушка пугливо куталась в болото [8, с. 52]
В шелках озерных ты висла,
янтарной скрипкой пели бедра? [8, с. 46]
Вулканы-бедра за льдами платий,
колосья грудей для жатвы спелы [8, с. 44].

У Васильева:

Будь моим богом, березовым соком [2, с. 25]
Знаешь, я хотел уйти с тобою сквозь лес
[2, с. 43]
Мы лежим на облаках,
А внизу бежит река [2, с. 49].
Знают только сосны и янтарная смола,
Как в высоких травах сплетаются тела.
Ты спроси у флейты из сухого тростника,
Что на дне своем скрывает мутная река,
Моя любовь [2, с. 58].

В художественной системе обоих авторов лирический герой счастлив только за пределами города, на природе, куда он переносится с возлюбленной, что является явной отсылкой к эстетике романтизма. Но, если возлюбленная Маяковского существует исключительно вне города, Васильев нередко помещает женщину в то же урбанистическое пространство героя, тем самым десакрализируя ее:

Сядь в разбитый трамвай и, глаза закрывая,
увидишь меня [2, с. 54].

И может быть, ты не стала звездой в Голливуде

И далее:
Но задернуты шторы, и разложен диван
[2, с. 109].

Заметим, что Васильев, лишая женщину божественных качеств, дает ей определенную независимость от мужчины, тем самым направляя вектор иронической насмешки уже на лирического героя:

У нее было правило – не доверять тем,
Кто собой заслоняет свет.
И я снял с нее платье,
А под платьем бронжилет [2, с. 28].

Наряду с эмансипированной женщиной у А. Васильева можно заметить и иную модель репрезентации женского сознания – она нередко предстает слабой и нуждающейся в защите:

Я расскажу тебе, как пчелы строят соты,
Я научу тебя стрелять из пулемета [2, с. 30].

Или:

Я объяснил тебе, где в квартире спрятался душ
Твои соленые слезы, кислые мины, душные
речи [2, с. 66].

Спи в заброшенном доме то в сладкой истоме,
то в судорогах.

И далее:
Плачь испуганным зверем, и вырастет дерево
из мертвого пня [2, с. 54].

Таким образом, если у Маяковского хаос мироздания иронично выражается через образ «адища города» [8, с. 50], то Васильев направляет свою рефлексию через иронично деформирующуюся психику некогда обоженной героини. Именно за счет утраты женщиной идеального начала в эстетической системе Васильева наблюдается и размывание типичных романтических дихотомий, в полной мере представленных у Маяковского: «идеал – реальность», «я – они», «бунтующий человек – спасительная сила женщины-идеала». Это также достигается за счет иронии,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

но если у Маяковского ирония обнажает алогизм реальности на фоне идеального порядка – любви, то у Васильева ирония зачастую нацелена на сам образ женщины, которая «стала на ступеньку выше. Обзавелась мобильным телефоном. Начала устраивать пресс-конференции» [14]. Реальный мир-хаос поэту воспринимается героем Васильева как единственно возможный, лишаящий человека возможности не только стремления к лучшей жизни, но и самого факта наличия альтернативы существующей форме бытия. Это и приводит поэта конца XX в. к процессу «игрового освоения этого хаоса, превращения его в среду обитания человека культуры» [7, с. 21]:

Нам сказали то, что мы одни на этой земле
Мы поверили бы им,
Но мы услышали выстрел в той башне
[2, с. 43].

Подобный набор приемов позволяет определять характер образ женщины Васильева как подражание художественной манере первых стихотворных опытов Маяковского. Полагаем, что данная стратегия в построении образа обусловлена следованием заданной им традиции, заимствуя канонические для нее художественные приемы.

Образ женщины Васильева, с одной стороны, – продукт типологического схождения эстетических установок двух поэтов, принадлежащих разным временным пластам, но связанных характером общественно-политической ситуации, на которую и направлен бунт героя с его стремлением к идеалу, представленному женщиной. С другой стороны, очевидна генетическая связь образа женщины Васильева с эстетическими установками Маяковского, проявляющаяся, во-первых, в раскрытии ее божественного начала, во-вторых, в сопряжении ее образа природным реалиям, в-третьих, в характере иронического пафоса, открывающего несовершенство мира. Васильев активно использует характерные поэтические приемы Маяковского в своем творчестве, иногда делает их узнаваемыми, очевидно реминисцентными, но зачастую все-таки «достраивает» новыми смыслами, усложняя и применяя к современным ему реалиям.

1. Абрамс, М. Г. Апокалипсис: тема и вариации / М. Г. Абрамс // НЛЮ. – 2000. – № 6(46). – С. 5–31.
2. Васильев, А. Сплин. Тексты песен / А. Васильев. – М. : АСТ ; СПб. : Астрель-СПб., 2008. – 221, [3] с.
3. Воробьева, С. Ю. Многоуровневая структура текста как модель его целостного восприятия и анализа / С. Ю. Воробьева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013 – № 2. – С. 90–93.
4. Воробьева, С. Ю. Семиотический анализ художественного текста / С. Ю. Воробьева // Слово – образ – текст – контекст : материалы Всероссийской научно-методической конференции «Слово – образ – текст – контекст». г. Одинцово Московской обл., ОГИ, 24–25 мая 2011 года. – Одинцово : АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2012. – С. 16–20.
5. Доманский, Ю. В. Русская рок-поэзия: проблемы и пути изучения / Ю. В. Доманский // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. трудов. – Тверь : Тверской государственный университет, 1999. – Вып. 2. – С. 26–38.
6. Манн, Ю. В. Динамика русского романтизма / Ю. В. Манн. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 384 с.
7. Маньковская, Н. Б. От модернизма к постпостмодернизму via постмодернизм / Н. Б. Маньковская // Коллаж-2: Социально-философский и философско-антропологический альманах / РАН. Ин-т философии ; отв. ред. В. А. Круликов. – М. : ИФ РАН, 1999. С. 18–25.
8. Маяковский, В. В. Полное собрание сочинений. В 13-ти томах. Т. 1: 1912–1917 / В. В. Маяковский ; подгот. текста и прим. В. А. Катаняна. – М. : Худож. лит., 1955. – 463 с.
9. От редколлегии // Русская рок-поэзия: текст и контекст : Сб. науч. трудов. – Тверь : Тверской государственный университет, 1998. – Вып. 1. – С. 3–5.
10. Проблемы романтизма : сборник статей / сост. У. Р. Фохт. – М. : Искусство, 1967. – 359 с.
11. Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. трудов. – Тверь : Тверской государственный университет, 1998. – Вып. 1. – 131 с.
12. Толмачев, В. М. Неоромантизм / В. М. Толмачев // Литературная энциклопедия терминов и понятий / сост. А. Н. Николюкин. – М. : Интелвак, 2001. – С. 640–646.
13. Тынянов, Ю. Н. Литературная эволюция: Избранные труды / Ю. Н. Тынянов. – М. : Аграф, 2002. – 496 с.
14. Федоров, Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время / Ф. П. Федоров. – Рига : Зинатне, 1988. – 456 с.
15. «Я панк, но в душе». Интервью с Александром Васильевым // TimeOut.ru. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.timeout.ru/journal/feature/1073/>. – Загл. с экрана.

**PECULIARITIES OF THE REPRESENTATION OF IMAGE OF WOMAN
IN THE RUSSIAN POETRY IN THE EARLY AND LATE 20TH CENTURY**

Dmitriy Sergeevich German

Postgraduate Student, Literature and Journalism Department
Volgograd State University
germandos@mail.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article gives the comparative analysis of the image system of lyrical poetry at the beginning of the 20th century (V. Mayakovsky) and at the end (A. Vasilyev). As a result some general tendencies in the ways of the representation of the image of a woman and the vector of its evolution are discovered.

Key words: rock poetry, romanticism, irony, lyrical hero, love conflict.